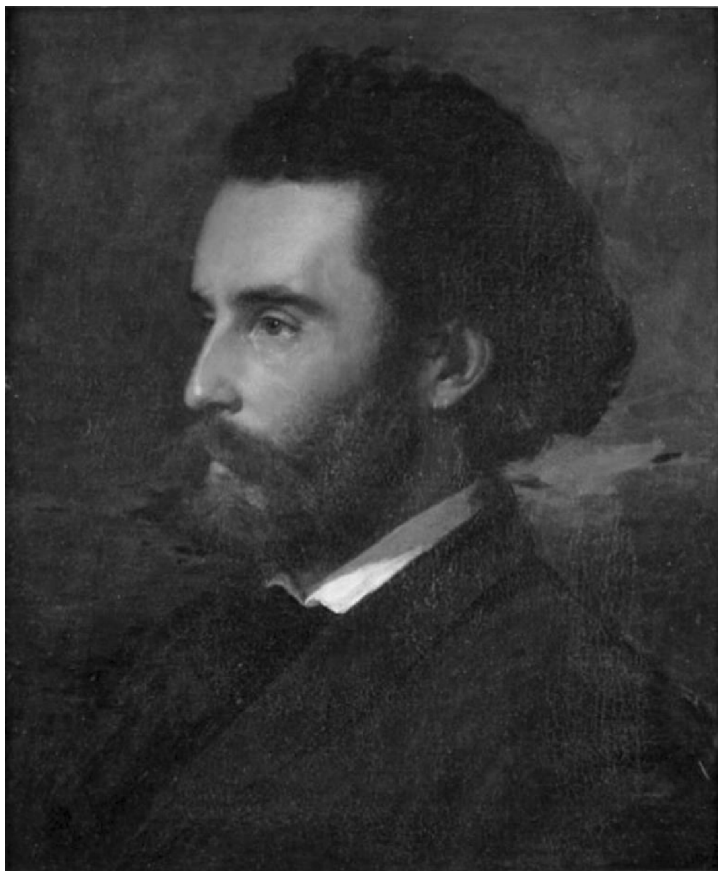

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

1810–1857

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

Альфред де Мюссе

Исповедь сына века

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
М98

*Перевод с французского Деборы Лившиц
и Ксении Ксаниной*

Мюссе, А. де

М98 Исповедь сына века / А. де Мюссе; [пер. с франц. Д. Лившиц, К. Ксанина]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 362 с. – (Легендарные книги лигагентства ФТМ).

ISBN 978-5-521-74626-2

Альфред де Мюссе – поэт, прозаик и драматург XIX столетия, сумевший ещё двадцатилетним юношей завоевать любовь читателей. Истинное признание пришло к нему только после выхода в свет романа «Исповедь сына века», в котором писатель рассказал о болезнях своего поколения: пресыщении и меланхолии. Именно эти моральные недуги не дают герою полностью наслаждаться взаимными чувствами со своей избранницей и обрести простое человеческое счастье. Незадолго до создания произведения де Мюссе пережил тяжёлый разрыв с возлюбленной Жорж Санд, что стало одной из причин рождения «Исповеди сына века».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Д. Лившиц, наследники, 2019
ISBN 978-5-521-74626-2 © Перевод. К. Ксанина, наследники, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Чтобы написать историю своей жизни, надо сначала прожить эту жизнь, поэтому я пишу не о себе.

Я был еще совсем юным, когда меня поразила чудовищная нравственная болезнь, и теперь хочу описать то, что происходило со мной в течение трех лет.

Будь болен я один, я не стал бы говорить об этом, но так как многие другие страдают тем же недугом, то я и пишу для них, хотя не вполне уверен в том, что они обратят внимание на мой рассказ. Впрочем, если даже никто не задумается над моими словами, я все-таки извлеку из них хотя бы ту пользу, что скорее излечусь сам и, как лисица, попавшая в западню, отгрызу прищемленную лапу.

ГЛАВА II

Во время войн Империи, когда мужья и братья сражались в Германии, встревоженные матери произвели на свет пылкое, болезненное, нервное поколение. Зачатые в промежутке между двумя битвами, воспитанные в колысках под бой барабанов, тысячи мальчиков хмуро смотрели друг на друга, пробуя свои хилые мускулы. Время от времени появлялись их отцы; обгаренные кровью, они прижимали детей к расшитой золотом груди, потом опускали их на землю и снова садились на коней.

Один только человек жил тогда в Европе полной жизнью. Остальные стремились наполнить свои легкие тем воздухом, которым дышал он. Каждый год Франция дарила этому человеку триста тысяч юношей. То была дань, приносимая Цезарю, и если бы за ним не шло это стадо, он не мог бы идти туда, куда его вела судьба. То была свита, без которой он не мог бы пройти через весь мир, чтобы лечь потом в узенькой долине пустынного острова под сенью плакучей ивы.

Никогда еще люди не проводили столько бессонных ночей, как во времена владычества этого человека. Никогда еще такие толпы безутешных матерей не стояли у крепостных стен. Никогда такое глубокое молчание не царило вокруг тех, кто говорил о смерти. И вместе с тем никогда еще не было столько радости, столько жизни, столько воинственной готовности во всех сердцах. Никогда еще не было такого яркого солнца, как то, которое осушило все эти потоки крови. Некоторые говорили, что Бог создал его нарочно для

этого человека, и называли его солнцем Аустерлица. Но нет, он создавал его сам непрерывным грохотом своих пушек, и облака появлялись лишь на другой день после сражений.

Вот этот-то чистый воздух безоблачного неба, в котором сияло столько славы, где сверкало столько стали, и вдыхали дети. Они хорошо знали, что обречены на заклятие, но Мюрата они считали неуязвимым, а император на глазах у всех перешел через мост, где свистело столько пуль, казалось, он не может умереть. Да если бы и пришлось умереть? Сама смерть в своем дымящемся пурпурном облачении была тогда так прекрасна, так величественна, так великолепна! Она так походила на надежду, побеги, которые она косила, были так зелены, что она как будто помолодела, и никто больше не верил в старость. Все колыбели и все гробы Франции стали ее щитами. Стариков больше не было, были только трупы или полубоги.

Но вот однажды бессмертный император стоял на холме, созерцая, как семь народов убивают друг друга. Он думал о том, весь ли мир будет принадлежать ему, или только половина его, когда Азраил пронесся над ним, задел его кончиком крыла и толкнул в Океан. Услышав шум его падения, умирающие властители поднялись на смертном одре, и, протянув крючковатые пальцы, все царственные пауки разорвали Европу на части, а из пурпурной тоги Цезаря сшили себе наряд Арлекина.

Подобно тому как путник идет день и ночь под дождем и под солнцем, не замечая ни опасностей, ни утомления, пока он в дороге, и, только оказавшись в кругу семьи, у очага, испытывает беспредельную уста-

лость и едва добирается до постели, — так Франция, вдова Цезаря, внезапно ощутила свою рану. Она ослабела и заснула таким глубоким сном, что ее старые короли, сочтя ее мертвой, надели на нее белый саван. Старая поседевшая армия, выбившись из сил, вернулась домой, и в очагах покинутых замков вновь зажглось унылое пламя.

Тогда эти воины Империи, которые столько странствовали и столько убивали, обняли своих исхудавших жен и заговорили о первой любви. Они посмотрелись в ручьи своих родных полей и увидели себя такими старыми и изуродованными, что вспомнили про своих сыновей, которые могли бы закрыть им глаза, и спросили, где они. Мальчики вышли из коллежей и, не видя более ни сабель, ни кирас, ни пехотинцев, ни кавалеристов, в свою очередь спросили, где же их отцы. Но им ответили, что война кончена, что Цезарь умер и что портреты Веллингтона и Блюхера висят теперь в передних французских консульств и посольств с надписью «*Salvato-ribus mundi*»¹.

И тогда на развалинах мира уселась встревоженная юность. Все эти Дети были каплями горячей крови, затопившей землю. Они родились в чреве войны и для войны. Пятнадцать лет мечтали они о снегах Москвы и о солнце пирамид. Они никогда не выходили за пределы своих городов, но им сказали, что через каждую заставу этих городов можно попасть в одну из европейских столиц, и мысленно они владели всем ми-

¹ Спасителям мира (*лат.*).